

18+

Мария Секстеевна
Худжуртаева

Ассоль в 21 веке

12 подвигов Души

Мария Худжуртаева

**Ассоль в 21 веке.
12 подвигов Души**

«Издательские решения»

Худжуртаева М. С.

Ассоль в 21 веке. 12 подвигов Души / М. С. Худжуртаева —
«Издательские решения»,

Современная сказочная история позволяет героине пройти путь от позиции «ждать и надеяться» и «я все сама смогу сделать» до позиции «каждая может много, вместе мы можем все». У каждого человека в любой ситуации есть выбор, от которого зависит как сложится дальнейшая жизнь. Перед героиней был такой выбор — в одном случае замужество без любви, потому что надо, дом, дети, хозяйство. Другой выбор — жизнь, полная приключений, встреча с мужчиной, ставшим ей надежным партнером и исполнение мечты.

© Худжуртаева М. С.
© Издательские решения

Содержание

В ожидании чуда	7
Немейский лев	9
Выбор первый — платье	11
Вариант второй: Рюкзак	15
Встреча с Шаманкой	16
Керинейская лань	19
Начало путешествия в волшебный мир	22
Эриманфский вебрь	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ассоль в 21 веке 12 подвигов Души

Мария Секстеевна Худжуртаева

© Мария Секстеевна Худжуртаева, 2026

ISBN 978-5-0070-1352-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ассоль в 21 веке или 12 подвигов Души

Вступление:

У каждого в жизни наступает момент, который древние называли бы жребием Геракла. Это не когда трудно. Это просто невозможно так дальше жить. Когда привычное существование — будь то душная работа, токсичные отношения, внутренняя пустота, постоянная нехватка денег на самое необходимое, или, как у юной Ассоль, бесконечная служба на мачеху — становится невыносимым. Ты просыпаешься с одним ощущением: «Я больше так не хочу!» «Я больше так не могу! Так больше не будет!». И тут может помочь история Геракла, героя, который за свои подвиги был награжден за это бессмертием и взят на небо, в семью богов.

12 подвигов Геракла — архетипический сюжет, на примере которого каждый человек может рассмотреть свою жизнь и сделать выводы, что ему нужно сделать, чтобы жизнь стала гармоничнее, счастливее. Любые проблемы, любые задачи, кризисы, с которыми мы сталкиваемся — когда-то кем-то уже были отработаны, наше коллективное бессознательное знает, как будет развиваться этот сюжет, каким способом лучше всего преодолеть этот кризис. Все жизненные задачи, с которыми мы сталкиваемся, имею архетипическую составляющую и соответственно имеют архетипическое разрешение. Зная ее, мы можем прожить свою ситуацию одним из самых лучших способом, который наработали миллионы людей до нас. Либо пойти по не проторённой дороге и встретить там неизвестно что, получить непонятно какой результат..

И вот ты стоишь перед своим личным Эврисфеем — будь то тиран-начальник, внутренний критик, долговое обязательство или, как в случае Ассоль, холодный взгляд мачехи, — и слышишь один и тот же приговор: «Служи. Отрабатывай. Терпи».

В этот момент рождается главный вопрос. Не «за что мне это?», а «**ЧТО Я ГОТОВА СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ЭТО ИСПРАВИТЬ?**»

Готова ли я, как Геракл, выйти из тени своего прошлого и отправиться в странствие, полное невыносимых испытаний? Готова ли я встретиться не с внешними врагами, а с собственными чудовищами? Со львом собственной ярости, с гидрой нарастающих страхов, с призраками прошлого, что сторожат, как адский пёс, вход в новую жизнь?

Вы не просто будете следить за тем, как Ассоль спасает отца. Вы пройдёте рядом с ней через двенадцать подвигов, каждый из которых — отражение вашего возможного кризиса и вашего возможного прорыва.

Потому что путь Геракла — это не наказание. Это алгоритм освобождения. Это последовательный, проверенный тысячелетиями метод переплавить свою боль в силу, а свой долг — в предназначение.

И первый шаг на этом пути — решение. Решение, которое Геракл принял, встав на службу к царю Эврисфею. Решение, которое когда-то приняла Ассоль, сбросив с себя ярмо чужой воли. Решение, которое можете принять и вы, дочитав эту книгу до конца.

Готовы ли вы совершить свои двенадцать подвигов, чтобы прийти к себе? Эта книга — приглашение к такому путешествию. Если она попала в ваши руки, это не случайность. Это Судьба послала вам Зов — знак, что пришла пора наконец что-то менять в своей жизни.

Тогда переверните страницу. Ваш путь начинается здесь. Прямо сейчас.

В ожидании чуда

В маленьком посёлке жила-была девочка по имени Ассоль. Это необычное для средней полосы России имя ей дала мать, влюблённая в повесть А. Грина «Алые паруса». Судьба распорядилась жестоко: мама рано ушла из жизни, и отец, желая дать дочери хоть какую-то опору, вскоре женился на приезжей женщине. Новая жена отца была горожанкой, красивой и ухоженной, но ее жизнь сложилась трагически. Из-за долгов, в которые ее втянул сбежавший любовник-игрок, она потеряла и работу, и жилье. Брак с отцом Ассоль стал для нее спасением от нищеты, а для него — слабой надеждой, что у дочери появится вторая мать.

Мачеха ревностно следила, чтобы каждая минута девочки была занята полезным трудом. День Ассоль начинался не со звонка будильника, а с глухого мычания коровы за стеной. Ещё до рассвета, когда мир был серым, она уже месила ногами холодную грязь двора, таская тяжёлые вёдра с водой. Подоить корову, выгнать к пастуху, накормить поросят, чей визг разрывал утреннюю тишину, собрать яйца, ещё хранящие ночное тепло.

Школа была не учёбой, а короткой передышкой между двумя безбрежными океанами домашней работы. А после уроков этот океан накрывал её снова: вязкое болото грядок, где каждая травинка-сорняк цеплялась за пальцы, едкий дым от печи, вечное шипение картошки в чугунке и снова эти бесконечные вёдра — с водой, с молоком, с помоями. Засыпала она, придавленная не усталостью, а самой тяжестью этого круговорота, который завтра начнётся сначала.

Пока Ассоль ворочала тяжести, мачеха, моложавая и стройная, берегла руки с идеальным маникюром. Она делала зарядку, следила за весом, читая книги о раскрытии «женской силы», служила украшением дома — как сама любила говорить.

Когда отец робко намекал, что дочь перегружена, женщина с обворожительной улыбкой садилась ему на колени, обнимала и шептала:

«Я готовлю ее к жизни здесь, в нашем посёлке. Посмотри, все местные женщины с утра до ночи в заботах. А я — горожанка, моя обязанность — быть украшением нашего дома, чтобы ты смотрел на меня и радовался».

Иногда Ассоль казалось, что мачехе доставляет странное удовольствие видеть, как она, вся в грязи и поту, убирает навоз или моет полы. Восседая на крыльце и расчёсывая свои роскошные волосы, та изящно указывала пальцем:

«Вон та грядка не полита! Опять пропустила, сколько можно тебя учить!»

«Я все полила, — робко отвечала девочка, — просто земля быстро впитала...»

«Возьми и полей еще раз, чтобы я видела результат. И скажи спасибо, что я лишь указываю на промахи. Помнишь, на прошлой неделе соседка нечаянно куст помидоров сломала? Так свекровь ее так отходила, что палку сломала. Неделю в больнице пролежала бедолага».

Услышав это, Ассоль в ужасе хватала ведро и выливала на злополучную грядку новую порцию воды.

Единственным спасением для Ассоль были книги. Читать она могла украдкой — на школьных переменках или глубокой ночью, под одеялом, при свете фонарика. Она погружалась в истории о неземной любви, о красавицах, которых спасали храбрые принцы, прибывавшие из дальних стран. В душе появлялась робкая надежда — а вдруг... Но чем старше она становилась, тем призрачнее казалась эта мечта. Слишком уж мал и тесен был ее мир, слишком далеко было до моря, по которому мог бы приплыть корабль с алыми парусами.

Она читала на Дзене и Пикабу истории о чудесных преобразованиях: как простая торговка овощами стала моделью, а официантка из придорожного кафе вышла замуж за арабского принца. «А вдруг?... — шептало ее сердце. — А вдруг и со мной случится чудо?» По вечерам,

закончив все дела, она выходила полюбоваться звёздами и думала: вдруг появится тот, кто увезёт ее в сказочную страну, или, на худой конец, в Москву.

Ровесницы уже всюду встречались с парнями, строили планы о замужестве сразу после выпускного, чтобы не тратить деньги на свадебное платье. Парни, видя как Ассоль возвращается из школы, уткнувшись в книгу, крутили пальцем у виска: «Ненормальная». Одноклассницы смеялись ей в лицо: «Все ждёшь своего принца на корабле с алыми парусами?»

Отец все реже бывал дома, пропадая на заработках в дальних краях. В один из таких длительных отъездов мачеха довела Ассоль до слез своими придирками.

«Ты же баба, должна уметь все делать, — говорила она, накладывая на лицо и зону декольте омолаживающую маску. — Чтобы потом от мужа тумачков не получать».

«Но я и так веду все хозяйство! — всхлипывала Ассоль. — Мне школу заканчивать, последний экзамен сдать, аттестат получить...»

«Зачем тебе этот аттестат? — взвизгнула мачеха. — Где он тут тебе пригодится? Дояркой будешь? Корову доить умеешь. Замуж выйдешь, дети пойдут, за мужиком смотреть... Где тут твой аттестат нужен?»

«Я не хочу тут оставаться!» — в ужасе выкрикнула Ассоль.

«Куда ты денешься от нашей бабской доли?» — усмехнулась женщина и ушла, хлопнув дверью.

Немейский лев

НЕМЕЙСКИЙ ЛЕВ

Подвиг: Победа над чудовищным львом, шкуру которого не брало оружие, Геракл задушил его голыми руками.

Архетип: Встреча с первобытной, неуправляемой яростью и страхом, которые блокируют путь.

Выход: Не бороться с гневом умственно, осознать что именно вызывает ярость, гнев, с чем вы не согласны. Довести ситуацию до точки «Я больше не могу!» и безопасно прожить агрессию телом — крик, битьё подушки, боксерской груши, интенсивная физическая нагрузка. Только так «шкуру льва» — его силу — можно снять и сделать своей защитой. Что делать, если у меня полный капец? Что делать, если я нахожусь в стадии расщепления своей идентичности. Если я потеряла себя и не знаю, с какого места начинать собираться. Миф про первый подвиг говорит – начинай работать с яростью, пойми - где ты злишься, на кого ты злишься, почему ты злишься, где тебя все бесит, где спрятана ярость. Ярость является эмоцией, которую не принято проявлять в обществе, злиться на любую ситуацию, низко, плохо, показывать себя в ярости – плохо. Было бы хорошо присвоить ярость себе, сделать частью себя. Вот тут на помощь приходят физические действия, выпустить пар, довести себя до изнеможения, полностью освободиться от ярости.

Ассоль вымыла посуду, прибралась на кухне, накормила скотину, заперла хлев и, убедившись, что калитка на засове, поплелась в свою комнату. С каждым шагом злость и отчаяние накачивали всё сильнее, сжимая горло тугой, невидимой петлёй.

«Не хочу я так свою жизнь прожить! — рычало что-то на самом дне её существа, голосом, которого она в себе не знала. — Не хочу быть этой вечной бабой, привязанной к плите и хлеву! Уеду! Найду! Папа, где ты... НЕТ! НЕ МОГУ ТАК БОЛЬШЕ! ТАК БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ!!!»

Последняя нить контроля лопнула с тихим, внутренним щелчком. Она рухнула на кровать, как подкошенная. Но безмолвие и неподвижность длились лишь мгновение. Потом её тело взвыло. Она не просто колотила подушку. Она вцепилась в неё, как в глотку невидимого, душащего её чудовища. Кулаки били не в мягкий пух, а в собственное бессилие, в лицо мачехи, в стену этой жизни. Дышать было нечем от той самой первобытной ярости, которая наконец вырвалась на свободу.

Слёзы пришли потом — горячие, солёные, очищающие. Она рыдала уже не от злости, а от облегчения, что эта тяжесть, наконец вышла наружу, а не осталась внутри каменеть, как старая, невыплаканная болезнь.

Когда всё стихло, она лежала, прислушиваясь к тишине. И в этой тишине родилось новое ощущение. Лёгкая пустота, как будто в той самой схватке с невидимым львом она не только задушила его, но и содрала с себя его шкуру — шкуру покорности и долготерпения. Теперь она лежала на кровати, свободная, готовая к настоящему бою.

«Так больше не будет», — прошептала она уже тихо, твёрдо. И это был не крик отчаяния, а первая клятва воина, произнесённая в темноте над разорванной в клочья подушкой.

Странный сон

Ассоль привиделся странный сон. Наутро, проснувшись на мокрой от слез подушке, она помнила его до мельчайших деталей.

Отец, запертый в узком деревянном стойле. Перед ним — охапка сена и корыто с водой. Но он был не человеком, а барашком, с грустными, почти человеческими глазами, из которых медленно скатывались крупные слезы-горошины.

«Спаси меня, доченька. Жить мне осталось три дня и три ночи».

«Как мне тебя найти? — кричала Ассоль, протягивая к нему руки. — Ты где?»

«Ищи в тридевятом царстве, в тридесятом государстве...»

За завтраком она спросила о нем, стараясь говорить непринужденно.

От него уже месяц ни слуху ни духу, — отмахнулась мачеха. — Прислал денег на выпускной. Купи себе приличное платье, хоть раз выглядела как баба, а не пацан в джинсах. Деньги в тумбочке. Выбирай по красивее, чтобы и на свадьбу стоило. Может, какой дурак захочет на тебе жениться, к себе заберет. Мне легче будет».

«Странно, — с ехидцей подумала Ассоль. — А кто тогда будет полы мыть и коров доить?»

Сон не выходил из головы, обрастая зловещими подробностями. Мысли о спасении отца становились навязчивыми.

«Поеду в Москву. Найду папу. Надо спасти», — решила Ассоль, набирая номер отца. В ответ — лишь безжизненное: «Абонент вне зоны действия».

«Куплю новую одежду — начну новую жизнь, — подумала она, отправляясь в магазин. — В Москве устроюсь в хостел, потом в общежитие. Буду учиться на переводчика, поеду по миру... И все это время буду искать отца. Не мог же он в самом деле превратиться в барашка? Бред же!»

Выбор первый — платье

Ассоль вышла за калитку и увидела слева белое платье, которое парило в центре витрины салона «MIRAGE», будто сошедшее со страниц сказки. «Мираж, — прошептала Ассоль. Вот именно. Красивое, недостижимое и... ненастоящее». Роскошное белое платье, переливавшееся в свете ламп, словно обещало другую, яркую, сказочную жизнь.

— Я только посмотрю на него — подумала Ассоль и зашла в салон. Разглядывая платье, подумала, как бы она выглядела в нем. К ней подбежала продавщица, подруга ее покойной матери:

— Примерь его.

Ассоль надела платье и вышла из примерочной.

«Бери, не раздумывай! — ахнула продавщица и в её глазах вспыхнул неподдельный восторг. — Слово для тебя сшили! Только вчера его получила и ты первая его примеряешь. Отец-то пишет?»

Вопрос повис в воздухе, острый и неудобный, как забытая булавка на подоле. Ассоль машинально провела рукой по прохладному шёлку, любуясь свои отражением.

«Больше месяца нет», — выдохнула она, уже не глядя в зеркало, а куда-то внутрь себя, где тикал немой счётчик дней молчания.

«Одно такое пришло, тебя ждало! — не отставала женщина, глядя девушку по плечу, будто убаюкивая. — Хочешь, рассрочку оформлю? Все равно отец деньги на выпускной пришлёт».

«Уже прислал», — Ассоль, и в этот миг ей стало стыдно. Стыдно за то, что мысль об отце, о его загадочном исчезновении, о той самой главной цели, что горела в ней ещё вчера, угасла так легко, вытесненная блеском ткани и навязчивой заботой чужой женщины.

И продавщица принялась ткать её новую судьбу: поправляла складки, приподняла волосы, открывая красивую шею. Говорила, что платье пригодится не только для выпускного, но и для будущей свадьбы так ярко, что у неё самой навернулись слёзы умиления. ...Она создавала невидимый кокон, в котором не было места ни тоске, ни поискам, ни тревоге за пропавшего человека.

И в этот кокон, как в тёплую ванну, стали пробираться другие образы — яркие, красивые, из глянцевого журнала. Ассоль вдруг вспомнила все те истории, которые тиражировали социальные сети и женские романы: современный принц в лице арабского шейха, увозящего скромницу в свой золотой дворец; сын олигарха, заметивший девушку в толпе; красавец-фотограф из модельного агентства, предлагающий сразу и карьеру, и любовь. В этих историях не нужно было ничего искать. Нужно было только быть достаточно красивой и... согласиться. Ассоль хотела сказать «нет», но слово застряло в горле, придавленное весом платья и тяжестью ожиданий в глазах продавщицы.

Она покупала не платье, а билет в готовую сказку, право на красивую жизнь, где главной проблемой будет выбор между двумя брендами сумок, а не загадка пропавшего отца.

...Отец, его длительное отсутствие, странный сон, в котором он просил спасти — всё это было аккуратно сложено в дальний угол сознания, как старый, ненужный скарб. И чтобы окончательно успокоить просыпающуюся совесть, ум услужливо подбросил удобную, трусливую мысль-отсрочку: «Выйду замуж. Стану сильной, обеспеченной. И тогда... тогда попрошу мужа найти отца. Он же сможет!». Она вспомнила, как в «Алых парусах» её тёзка спросила Грэя: «Ты возьмёшь к себе моего отца?». И он сказал «Да!» и крепко поцеловал ее. Значит, так и должно быть в сказке: принц решает все проблемы. Такая красивая, удобная сказка.

«Хорошо, беру», — сдалась Ассоль, и эти слова прозвучали как окончательный приговор. Продавщица ликующим жестом отрезала блестящий ценник. Квадратик бумаги, на котором были написаны цена и дата создания этого шедевра портновского мастерства, медленно закружился в воздухе, будто последний осенний лист, беззвучно упал на не слишком чистый, липкий от пыли пол салона.

Ассоль посмотрела на него. Всего на секунду. Этой секунды хватило, чтобы понять: это и есть та самая черта. Черта между «до» и «после». Между поиском и покоем. Между долгом и красивой ложью.

...Она сделала шаг, но не для того, чтобы поднять. Вперёд. Её нога, обутая в скромную, уже поношенную туфельку, наступила на бумажку, слегка ее смяв. Не было хруста, был лишь лёгкий, податливый шелест.

И в этот самый миг, пока бумажка прилипла к полу, в голове у Ассоль, будто сама собой, всплыла следующая, совершенно практическая мысль: «Надо к платью купить красивые туфли».

Мысль была такой ясной, такой очевидной и такой не имеющей ничего общего с тем, что только что случилось, что она сама себе удивилась. Не было ни стыда, ни сожаления. Был лишь безмолвный внутренний шелчок, будто кадр в кино резко сменился. Кадр, где она давит носком туфельки свою совесть, сменился кадром, где она примеряет красивые лодочки на высоком каблуке.

Она подошла к кассе, чтобы расплатиться. Не только за платье, а за право смотреть только вперёд, на блестящий каблук своей новой судьбы, и никогда — под ноги, на то, что осталось позади и было так легко раздавлено.

На выпускном она была самой красивой и на нее обратил внимание богатый молодой человек, заглянувший на сельскую вечеринку. Он предложил уехать с ним, и Ассоль согласилась — лишь бы не возвращаться к мачехе.

Под завистливые вздохи одноклассниц она села в роскошную машину и уехала «в счастливую жизнь».

Свадьба. Дом, пахнувший свежей краской, чужими духами. Хозяйство, в котором она растворялась, как щепотка соли в супе. Дети, чьи первые слова заглушали тихий зов чего-то забытого. Она была хорошей женой, идеальной матерью, успешной хозяйкой — спасибо мачехе, всему научила. И с каждым годом ей всё реже приходилось притворяться — она просто забывала, кем была до этого.

Но изредка, обычно весной или в тихий час после дождя, её настигала странная, зудящая тоска. Тогда она доставала свой старый, ещё школьный чемодан, который лежал на антресолях. Отпирала его, ключ всегда лежал под стопкой постельного белья, и её обдавало запахом пыли, старой бумаги и несостоявшегося будущего.

Ассоль доставала свою золотую медаль, холодную и невероятно тяжёлую. Рядом лежал аттестат с одними пятёрками по всем предметам. Она проводила пальцем по строчкам, вспоминая не формулы, а свой собственный, звонкий и уверенный голос, отвечающий у доски.

И тогда, как эхо из прошлого, в ушах звучал холодный голос мачехи:

«Умница-то умница, а замуж никто не возьмёт. Голову морочишь себе и людям. И медаль твоя... она только с виду золотая. Позолота. Потрёшь и чёрный, дешёвый металл наружу полезет. Как и у людей, кстати...»

Слова будто оживали, обвивая её горло ледяной лентой.

«Да, — шептала она в пыльную тишину антресоли. — Никто и не взял. Я сама... ушла».

Тогда еще юная Ассоль думала, что мачеха завидует. Теперь же, держа в руках этот холодный, идеальный кружок, она понимала куда более страшную вещь. Мачеха не врала. Медаль и правда была позолоченной. Как и её нынешняя жизнь — блестящий, гляцевый фасад, под которым скрывалась обычная, серая реальность ссор, усталости и невысказанных слов. Как и её замужество — не союз душ, а выгодная покупка с пожизненной рассрочкой.

Она будто проверяла пророчество, проводя подушечкой большого пальца по ребру медали. И ей казалось, что в одном месте, у самого края, позолота действительно слегка стёрлась, обнажив тусклый, тёмный налёт. Или это был отблеск? Или её болезненное воображение?

Неважно. Важно было то, что эта мысль — «позолота» — превращала медаль из символа достижений в символ обмана. Обмана, в котором она сама себе признаться боялась. Она покупала не золотую жизнь. Она покупала хорошую позолоту. И теперь знала, что мачеха, как и всегда, была права в самом главном.

С тихим, покорным выдохом она аккуратно, с нежностью, которую не дарила уже никому, клала атрибуты своей прежней мечты обратно в чемодан. Прячала доказательство того, что её настоящее «я», её ум, её талант — это такая же позолота на обычной, скучной судьбе, которую можно спрятать. Потом запирала чемодан на ключ и звук щелчка был чётким, как точка в конце давно написанного, но не отправленного письма самой себе.

Чемодан отправлялся в самый дальний, тёмный угол антресолей. А на следующий день она снова была идеальной. Счастливой. Лишь изредка касаясь пальцами блестящей дверцы шкафа, как бы проверяя, не нагрелась ли она от тления спрятанной внутри жизни.

Прошли годы. Завершив дневные хлопоты и уложив детей, Ассоль выходила подышать перед сном. Она смотрела на звёзды, и на неё накатывала неясная, ноющая тоска. Тоска не по тому, что было, а по тому, что так и не случилось. По дороге, по которой она не пошла. По себе самой, которую она позволила себе забыть.

И в самые тихие минуты ей чудилось, что где-то далеко-далеко, в чёрной бездне этого забытья, тихо зовёт её чей-то голос. Но она уже научилась его не слышать. Иногда ей чудился

на горизонте алый парус, но когда она всматривалась, это оказывался лишь отблеск заката на стекле соседнего дома.» И она, заслонившись рукой от этого назойливого, обманчивого света, решительно закрывала шторы.

Вариант второй: Рюкзак

Ассоль хотела свернуть налево, где на противоположной стороне улицы, в витрине салона женской одежды, заманчиво сияло белое платье. Оно было не просто красивым. Оно было законченным образом, готовым костюмом для принцессы из такой желанной сказки.

«Я только посмотрю на него, — подумала девушка, уже чувствуя, как ноги сами несут её к пешеходному переходу. — Вот и мачеха говорит, чтобы я купила себе хоть одно приличное платье. Не ходить же вечно в этих джинсах, как мальчишка. Одно только... для выпускного...»

Мачеха, обычно колючая и чужая, в этот миг показалась ей почти заботливой, разумной. А платье в витрине было самым красноречивым аргументом в этом внутреннем споре. Она уже мысленно видела себя в нём на выпускном, ловила завистливые взгляды одноклассниц. Видела, как все, включая мачеху, наконец кивают с одобрением: «Вот теперь ты девушка. Теперь ты на своём месте».

Этот образ был таким сладким, таким заманчивым, что она сделала решительный шаг с бордюра, даже не глядя под ноги.

И в тот самый миг, когда она уже примеряла корону королевы школьного выпускного бала, нога споткнулась о камешек, лежавший ровно на границе тротуара и дороги, делающей поворот налево. Она упала, больно рассекла коленку, алая капля выступила на содранной коже, набухла и тяжело сорвалась вниз, прямо на тот самый камень. Легла чётким красным пятном на серую, шершавую поверхность, словно печать на пергаменте судьбы.

В сознании Ассоль, яснее любого слова, вспыхнула мысль: «Я собралась идти не туда, мне нужно направо, к аптеке».

Подходя к зданию в красным крестом на вывеске, Ассоль увидела за ним магазин с лаконичной, звучной вывеской: «АРГО». Буквы были стилизованы под древние руны, а на логотипе угадывался силуэт корабля. «Искатель», — мелькнуло у Ассоль. Наскоро обработав рану и наклеив пластырь, девушка зашла в магазин спорттоваров. Запах новой ткани, резины и свободы ударил в нос. Здесь продавали не просто одежду. Здесь продавали снаряжение для тех, кто решился идти вперед в поисках приключений и новых смыслов, чтобы найти себя.

Ассоль выбрала тёмные брюки, такое же худи и бейсболку, небольшой рюкзак. На руках оставалась приличная сумма, которой должно было хватить на первое время.

Остановилась, чтобы надеть бейсболку, но длинные волосы мешали сделать это..

«Подстригите. Как можно короче», — потребовала она в парикмахерской.

«Да с ума ты сошла! Такие волосы губить!»

Ассоль молча схватила ножницы и с размаху отрезала прядь.

«Хорошо, хорошо!» — испугалась парикмахерша.

Закончив стрижку, Ассоль посмотрела в зеркало. На нее смотрел симпатичный молодой человек. Нацепив бейсболку, закинула на спину рюкзак со своими пожитками и быстро вышла на улицу.

«Пацан пацаном», — вздохнула парикмахерша, подметая золотистые пряди.

Встреча с Шаманкой

На следующий день после выпускного Ассоль села в пыльный междугородний автобус, пахнувший бензином и тоской. В её новом рюкзаке лежали нехитрые пожитки, а в потайном кармашке, зашитом на всякий случай, — золотая медаль и аттестат, безмолвные свидетели ее успехов в прошлом.

Деньги, по совету мачехи, она спрятала на груди, зашив в тканевый мешочек. Каждый раз, наклоняясь, она чувствовала плотный, чуть царапающий кожу свёрток, словно второе, бесполезное в данный момент сердце.

Мачеха накануне была необычайно суетлива. Она помогла сложить вещи, навязала с собой целую торбу еды — пироги, яйца, солёные огурцы.

«Держись, дочка, — говорила она, избегая глаз, и от этого ласковое слово „дочка“ звучало фальшиво, как фальшивая монета. — В Москве не пропадёшь. Умная же. А тут... я тут без тебя как-нибудь.»

Именно в этот момент, когда мачеха слишком старательно утрамбовывала в сумку очередную пирог, у Ассоль и возникло холодное, кристально ясное подозрение. Эта забота была не о ней. Это был ритуал изгнания. Женщина не провожала — она заколачивала дверь, через которую Ассоль могла бы вернуться.

Так оно и было. Мачеха была не просто рада — она ликовала. Потому что уже на следующее утро после отъезда Ассоль к дому должен был подъехать её любовник — тот самый, ради которого она была вынуждена продать квартиру и уехать из Москвы. «Старая любовь не ржавеет» — думала она и ради этого выметались с глаз долой лишние свидетели. Весь этот спектакль с пирогами был последней платой за молчание Ассоль и ее исчезновение.

Автобус тронулся. Ассоль смотрела в мутное стекло, за которым медленно проплывал знакомый, нелюбимый мир. Она уезжала из дома, которого у неё никогда по-настоящему и не было. И это было самое честное чувство за все последние годы.

На соседнем сиденье оказалась женщина, про которую в посёлке шептались, что она шаманка. Ассоль украдкой разглядывала её: ни бубна, ни звериных шкур — только длинная цыганская юбка да множество бус на груди, будто собранных со всех концов света: янтарь, бирюза, дерево, кость. Её пальцы были унизаны серебряными кольцами, а на запястьях звенели тонкие браслеты — не как украшения, а как доспехи из другого измерения.

«Ты же знаешь, что про меня говорят, будто я шаманка? — внезапно спросила соседка, не глядя на Ассоль. — Думаешь, это я без бубна в дорогу отправилась? А я и без него про тебя много могу сказать. Ты собралась в дальнюю дорогу. Не просто так. Отца искать. Так?»

Ассоль вздрогнула. Про бубен она действительно думала. Но про отца... «Как она...?»

Шаманка щёлкнула пальцами трижды, и её браслеты звякнули, словно крошечные колокольчики.

«В городе купим билет на поезд в Москву. Там будет время поговорить в тишине.»

«Откуда она знает про Москву?» — металась мысль Ассоль. Она закрыла глаза, делая вид, что спит, но сквозь ресницы видела, как шаманка смотрит в окно.

У кассы шаманка, к изумлению Ассоль, отказалась от общего вагона, который им предложила солидная дама за окошком, бросив презрительный взгляд на странную женщину, похожую на цыганку.

«Нам нужно СВ купе, на двоих. — сказала она кассирше так, будто это был не каприз, а необходимое условие ритуала.

Цена заставила Ассоль ахнуть. Но шаманка протянула не купюры, а тёмную, почти чёрную карту. Кассирша, мгновенно изменившись в лице, засуетилась. Оформляя билеты, она все говорила, как им повезло. Вот прямо перед ними солидный пассажир отказался от брони на эти два билета.

В привокзальном кафе, поедая вкусный суп, Ассоль не выдержала:

«А вы зачем едете в Москву? Танцевать с бубном на Красной площади? Летать на метле?»

Шаманка улыбнулась, и в уголках её глаз собрались лучики смеха.

«Метлы нынче ненадёжны, слишком много всякого разного носится в воздухе и я боюсь летать... А бубен... бубен нужен, когда хочешь оглушить мир, чтобы он тебя услышал. Я предпочитаю договариваться. Давай лучше о тебе. Твой сон... баран, злая ведьма. Твоему отцу нужна не простая помощь. Ты хочешь, чтобы я тебе помогла?»

«Да, конечно!» — выдохнула Ассоль, чувствуя, как камень тревоги наконец сдвинулся с места.

«Тогда скажи вот что, и скажи осознанно, — шаманка положила ложку и посмотрела прямо на неё. — «Помогите мне сделать мой путь к отцу... верным. Чтобы я шла не куда попало, а куда нужно. В согласии с тем, зачем я вообще в этот мир пришла».

Ассоль нахмурилась. «При чём тут это? Я просто отца найти хочу.»

«Вот именно — „просто“, — мягко парировала шаманка. — Ничего „просто“ не бывает. У дороги, по другому у Пути всегда есть причина. Идущему по своему Пути — мир подсвечивает фонариком, посылает нужных людей, создает нужные обстоятельства. Если человек выбирает неверное направление — ставит подножку, чтобы оглянулся. Ты хотела налево свернуть, платье посмотреть? А тебе камешек под ногу, первая, вежливая подсказка. Потом будут серьезнее. Поняла?»

Ассоль почувствовала, как по спине пробежал холодок, вспомнила, как она в шортах вышла из калитки и хотела пойти налево, в большой салон, но упала и ей пришлось пойти направо, к аптеке. Она вспомнила не просто падение. Она вспомнила ту самую мысль у бордюра: «Знак?»

— «Откуда шаманка знает, что у меня была такая ситуация» — удивилась девушка и повторила свою просьбу уже без тени скепсиса:

— «Помогите мне, пожалуйста, сделать мой путь к отцу верным и безопасным. В согласии с... моим предназначением. Чтобы я видела знаки Судьбы, понимала и принимала их. И не боялась идти вперед.»

В воздухе повисла тишина, и Ассоль показалось, что даже шум вокзала за стеклом на миг притих, словно Мир поставил на паузу, чтобы зафиксировать её просьбу.

Шаманка расстелила чистый лист бумаги, нарисовала круг, в центре написала название областного центра, затем большой круг, внутри которого крупно — Москва. Соединила их стрелкой, взяла в руки длинную цыганскую иглу на красной нитке и небольшим камушком сверху. Её движения были плавными, маятник в её руках был не просто грузиком на нитке, это был ключ, отрывающий дверь в будущее.

«Смотри, — сказала она, и маятник закружился на месте, а потом рванул к Москве, с каждым разом раскачиваясь сильнее и точнее показывая направление. — Дорога ждёт, свободная от препятствий. Осталось сделать шаг.»...

Керинейская лань

КЕРИНЕЙСКАЯ ЛАНЬ

Подвиг: Геракл должен был поймать быстроногую лань Артемиды причинив ей вреда. Целый год он выслеживал ее по полям, лугам, ле горам, но сумел поймать только тогда, когда она пришла на водопой.

Архетип: Лань - символ неопределённости, высокой степени вариативности, большого пространства вариантов.

Выход: Когда мы строим планы на свою жизнь, всегда нужно понимать, мы не можем все жёстко контролировать, всегда оставлять место уважения к ритмам природы, цель может оказаться не той, о которой мечтаем. Всегда нужно приспосабливаться к изменяющимся условиям расширяющим наше пространство возможностей.

В шикарном купе, под стук колёс, шаманка говорила негромко, но её слова проникали прямо в душу Ассоль.

«Деньги — это аплодисменты Мира за пользу, которую ты ему приносишь. Запомни, то, что я делаю для тебя — это не плата, не услуга. Это — передача нити добра, мне когда-то передали, я передаю тебе. Ты передашь дальше. Из этих нитей создаётся ткань для спасения Мира.»

— А почему вы именно меня выбрали? Для передачи нити добра — спросила Ассоль, внимательно слушая Шаманку.

— Ты похожа на меня в молодости, я, также как и ты, уехала из дома сразу после выпускного вечера. У меня была другая ситуация, но в дороге я встретила Ведунью и она взяла меня под свое крыло. Никакая встреча не бывает случайной и все мы друг другу учителя и ученики. У тебя очень сильная энергетика, которую можно направить на благо Мира, я видела это, когда наблюдала за тем, как ты справляешься с домашним хозяйством с малых лет. Мачеха хорошо подготовила тебя к самостоятельной взрослой жизни, многому научила. Ты вполне самостоятельно делала всю домашнюю работу, которую в нашем мире почему-то обязана делать только женщина.

— Да уж — вздохнула Ассоль. — это точно.

— Смотрю я на тебя, — сказала Шаманка, — Вся напряглась, прямо вижу, как ты в голове карту чертишь. Точка А — посёлок. Точка Б — Москва. Красной линией их соединила и все мысли только в одном направлении — найти отца как можно быстрее.

— А что тут такого? — Ассоль удивилась. — Вы же сами там, в буфете, нарисовали этот путь. План всегда нужен.

— План нужен, — согласилась Шаманка. — А вот уверенность, что жизнь пойдёт только по этому плану — вредная. Ты слышала про Керинейскую лань?

Ассоль помотала головой.

— У Геракла был такой подвиг. Ему велели поймать золоторогую лань, самую быструю на земле. Любое другое животное можно загнать в ловчую яму, поймать в сети, стрелой сразить. А эту — нельзя, она принадлежит богине Артемиде. Несётся быстрее ветра, если попытаться её поймать силой — умрёт на месте, рассыплется золотой пылью. И не будет тебе ни славы, ни добычи.

— И как он её поймал? — спросила Ассоль.

— Никак, — усмехнулась Шаманка. — Геракл год за ней гонялся по всей Греции. А потом понял: не надо её догонять. Надо просто понять, куда она в конце концов прибежит и дожидаться там, когда она сама захочет пить. Он не поймал лань, дождался её на водопое.

— Вы про что? — осторожно спросила Ассоль. — Что мне не надо искать отца?

— Искать надо, — Шаманка наконец открыла глаза. — Но не дави на жизнь. Не пытайся загнать её в свой узкий план. Ты сейчас уверена: «Найду отца — и всё наладится». А вдруг на пути в Москву ты встретишь что-то, что изменит тебя сильнее, чем встреча с отцом? Вдруг ты найдёшь не его, а себя? Или найдёшь его, но поняв, что спасать нужно вовсе не его, а что-то другое в себе?

— Это звучит как гадание на кофейной гуще — буркнула Ассоль.

— Это звучит как «откройся вариантам». — Шаманка вздохнула. — Ты, девочка, как тот Геракл в первый день натянул лук, стал целиться в лань, а она уже за три холма убежала. Бесполезно, бегать быстрее лани ты не станешь. А вот научиться видеть её тропы, понимать, куда она повернёт — это можно.

Она помолчала и добавила:

— В общем, не зарекайся. Твоя цель — не столб, в который можно упереться лбом. Твоя цель — жизнь, она дышит, меняется, иногда убегает, чтобы ты за ней пошла. Учись это принимать.

Ассоль хотела возразить — ну что за дурацкие сказки? — но слова застряли в горле. Потому что внутри, где-то в груди, вдруг шевельнулось смутное, неприятное чувство. А ведь она действительно не знает, что найдёт в Москве? А вдруг план — это просто иллюзия контроля, за которую она цепляется, чтобы не бояться?

Она промолчала. Но впервые за долгое время в её уверенную, начерченную красным маркером карту вползла крошечная, почти незаметная трещина. Неопределённость.

Шаманка дала молитву — не как текст, а как формулу доверия Миру. А затем шаманка достала из льняного мешочка бутылку вина и две баночки.

«Вот твоё оружие на первые 21 день:

Вино — чтоб растопить лёд страха, убрать тревогу, успокоить ум. Пей и вспоминай: ты не бежишь от чего-то... ты идёшь к чему-то, к тому, что тебе очень нужно.

Мёд — чтоб можно было видеть сладость во всех событиях, которые произойдут. В каждом, самом на первый взгляд неприятном, можно найти что-то полезное. Мир любит тех, кто не сдаётся, падает, поднимается снова.

Облепиховое масло — чтоб твой путь был как по маслу. Шаманка говорила эти слова над каждым продуктом и складывала их в мешочек и в конце добавила:

— Принимай одна. Чтобы между тобой и твоим намерением не вставала даже тень чужого сомнения.»

«Двадцать один день, доченька, — это не простой срок. За семь дней намерение рождается из слова. За следующие семь — обростает плотью и силой. За последние семь — вырастает в душу, как дерево корнями в землю, и становится твоей новой натурой.

Это время, чтобы твоя просьба к миру трижды проплыла по небесному кругу: как семя, как росток и как плод. Чтобы вино, мёд и масло перестали быть снадобьем и стали кровью, сладостью и гибкостью твоего духа. Мир меняется не рывками. Он поворачивается, как небесный свод — плавно, без остановок, без рывком, по звёздным меркам. Двадцать один день — это твоя личная мера такого поворота. Выдержишь круг — изменишь судьбу в точке, где она соприкасается с твоей волей.»

Ассоль с благодарностью взяла мешочек со всем его содержимым. Это были не просто продукты, это были первые дары дороги, материализованное доверие мира к её выбору.

На перроне в Москве к поезду подошла пёстрая группа женщин, одетых также как Шаманка. На прощание она дала Ассоль свой номер.

«Напиши сначала сообщение. На курсах мы телефоны выключаем. Как освобожусь — перезвоню.»

Ассоль взяла рюкзак, взглянула на удаляющуюся весёлую толпу и направилась к выходу в город.

«Что ждёт меня здесь, в тридевятом царстве?»

Начало путешествия в волшебный мир

Ассоль так и не успела дойти до входа в метро. Ее путь преградили двое молодых людей в камуфляже, а позади них, призрачным чёрным пятном, стояла машина с глухими, затемнёнными стёклами.

«Документы!» — потребовал один из них, и его голос прозвучал как щелчок затвора.

Ошеломлённая, Ассоль протянула паспорт. Пока парень изучал его, его напарник без лишних слов сдёрнул с ее плеча рюкзак. Девушка с возмущением повернулась к нему и в этот момент проверяющий ловко извлёк и спрятал билет на поезд. «Имя... странное. Ассоль? — с ударением на первую букву спросил он. — Вы не русская? Когда и зачем прибыли в столицу?»

«Русская, меня зовут АссОль, — поправила она, чувствуя, как по спине бегут мурашки. — Меня называли в честь героини повести Грина. Я только что с поезда, билет в паспорте...»

«Какой билет?» — он пролистал паспорт у нее перед лицом. Страницы мелькали, пустые. «Где билет? Придется проехать с нами для выяснения обстоятельств».

Его тон не допускал возражений. Сжавшись на холодной кожаном сиденье машины, Ассоль почувствовала, как ее охватывает парализующий страх. В замкнутом пространстве пахло дорогим кожаным салоном и чем-то еще — терпким, древним, как смола. В зеркале, висевшем над передним лобовым стеклом, она поймала взгляд худого старика на пассажирском сиденье. Его глаза внимательно изучали девушку, старик остался доволен увиденным, так как подобие улыбки появилось на лице.

Машина неслась по улицам, мимо высоток, которые скоро сменились деревьями. Холодок страха в животе сжался в тугой узел.

— «Вы меня куда везете?» — выдохнула она.

— «Все в порядке. Не волнуйся», — скрипучий голос старика прозвучал так, словно ржавая дверь открывалась в склепе.

Машина рванула в чей-то двор, и сзади, с оглушительным металлическим скрежетом, захлопнулись ворота. Звук был таким пронзительным, что Ассоль инстинктивно вжалась в сиденье.

«Отведи девушку к Гекате», — скомандовал старик.

Дорожка, выложенная чёрными камнями, вела к высокому крыльцу. Спутник Ассоль нажал кнопку звонка, громкие трели пронесли по тишине — короткая, длинная, еще длиннее.

Дверь открыла бледная женщина вся в чёрном.

«Проходи, Цирцея».

«Меня зовут Ассоль!»

«Забудь», — женщина усмехнулась, и дверь с тяжелым стуком захлопнулась за ее спиной, окончательно отсекая внешний мир. Звук поворачивающегося ключа в замке прозвучал как приговор.

«Зачем я здесь?»

«Хозяину требуется новая помощница. Я научу тебя всему, что знаю. Затем — экзамен. И работа».

«Почему я? Какая работа? Я не хочу! Я приехала учиться!» — слова вылетали друг за другом пулемётной очередью.

«Слишком много вопросов, — холодно заметила Геката. — Учись слушать. Хозяин выбрал тебя за твой имидж: с виду пацан, а внутри — девушка. Он увидел, что у тебя сильная энергетика и ты можешь стать его помощницей. Прежняя Цирцея... слишком увлеклась одним барашком. Захотела стать женщиной его мечты».

Слово «барашек» ударило Ассоль в самое сердце, отозвавшись эхом из сна. И снова кто-то увидел ее сильную энергетику... Что же это такое, что незнакомые люди видят ее, словно у нее на лбу печать.

«А где она сейчас, эта Цирцея? Я могу с ней поговорить?»

«Кому она теперь нужна? Она — никто. И ничто. Пойдём, покажу твою комнату».

Поднимаясь по широкой лестнице, Ассоль невольно провела рукой по стене. Дерево было идеально отшлифовано, от светлого кремового до красновато-коричневого, с прожилками желтовато-белого цвета. Воздух был пропитан тёплым, сухим, каким-то благородным запахом, в котором была какая-то сладость и чувствовались медовые нотки.

«Что за дерево?» — спросила она, чувствуя, как этот аромат обволакивает ее.

«Ливанский кедр, — пробурчала Геката. — Весь дом из него».

Комната, в которую ее привели, была обставлена с показной роскошью, но напоминала тюрьму: на окнах — прочные кованые решётки. Вторая дверь вела в ванную, где вся сантехника была матово-черного цвета.

«Здесь есть все необходимое, — голос Гекаты не оставлял места для иллюзий. — Каждый вечер — ванна. Десять капель из этого флакона. Вода — не горячая. Пока учишься, никуда

не выйдешь. Еду будешь получать через лифт» — она указала на небольшой проем в стене. «Поела — нажмёшь звонок, поставишь посуду назад. Правила просты».

«Я в тюрьме? — голос Ассоль дрогнул. — А если я захочу на улицу? Хотя бы подышать свежим воздухом?»

«Если выучишь все заговоры, рецепты и ритуалы из этой книги за три дня и три ночи — выйдешь. А воздуха тут хватит, сплит-система работает круглые сутки». Геката протянула ей небольшой том в кожаном переплете. Дверь захлопнулась. Замок щёлкнул с таким металлическим скрежетом, что Ассоль физически почувствовала, как последняя надежда на спасение рассыпается в прах. Тишина в кедровой комнате была не просто отсутствием звука — она была густой, насыщенной, как сам воздух, пропитанный запахом дорогого дерева и безысходности. Она стояла, прижимая к груди кожаную книгу, твёрдые углы обложки впивались в пальцы.

«Три дня... Три дня?!» — мысль пронеслась, как искра по пороху. И порох вспыхнул.

Книга полетела в матово-чёрную стену с глухим, мягким стуком и упала на пол, распахнувшись на какой-то странице с диаграммой. Но этого было мало. Её тело требовало действия. Она рванулась к двери, с силой дёрнула ручку — массивное полотно не дрогнуло, лишь издало глухой стон. Она ударила по нему ладонью, потом кулаком — один раз, другой, пока костяшки не заныли. Она кричала. Не слова, а один долгий, хриплый, бессмысленный звук, в котором смешались ярость, обида и страх быть забытой навсегда в этой ароматной гробнице.

Эриманфский вепрь

ЭРИМАНФСКИЙ ВЕПРЬ

Поимка свирепого гигантского вепря, опустошавшего окрестности 1 Эриманф. Геракл не убивал его, а загнал в глубокий снег на вершине 1 где животное увязло, после чего связал и доставил живьём к Эврисфею

Архетип: В этом мифе речь идёт о дикой силе, которая просто разрушительна вокруг себя все, без особого смысла. Вепрь представляет б примитивную, «земляную» агрессию: обжорство, упрямство, грубый на неконтролируемые телесные импульсы

Выход: Геракл не вступает с вепрем в лобовую схватку, а использует природные условия (глубокий снег) и тактику изматывания. Психологически это означает, что с грубыми, иррациональными порывами бесполезно бороться в лоб, когда они на пике. Нужно дать им «набегаться», утомить, лишив почвы для проявления, и поймать в момент истощения. «Снег» может символизировать холодный, отстранённый самоанализ или временную изоляцию, которая обездвиживает бушующую страсть.

Но стены поглотили и крик, и удары. Ассоль сползла по двери на пол, обхватив колени. Дыхание сбивалось, сердце билось где-то в горле, в груди всё клокотало — тяжело, больно, как будто внутри заперли дикого зверя. Она чувствовала: если сейчас просто лечь и попытаться успокоиться, зверь вырвется снова. Ударит изнутри криком, слезами, желанием разбить что-нибудь ещё. Нужно что-то сделать, чтобы измотать этого зверя, дать ему возможность выплеснуть всю агрессию, растратить все силы...

— Не лезть в драку, — прошептала она, вспоминая чей-то давний совет. — Когда злишься — не лезь в драку. Беги.

Она не знала, кто это сказал. Может, учительница физкультуры. Может, мачеха — в одну из редких минут, когда та была почти человеческой. Но сейчас это было единственное, что пришло в голову.

Ассоль встала. Комната была достаточно большой и она начала ходить, быстрым шагом, почти маршируя.. Дошла до стены — разворот, быстро до другой стены, ещё разворот. Пол противно скрипел под босыми ногами, но этот скрип стал ритмом.

— Да, я злюсь, имею право злиться. Но я не хочу разбиться об эту дверь.

Круг. Второй. Третий. Дыхание сбивалось, но она заставляла себя дышать ровно — вдох на четыре шага — задержка дыхания на 4 шага — выдох на четыре шага — задержка на четыре шага. Откуда-то всплыла из глубин памяти эта техника квадратного дыхания. Сначала получалось плохо. Потом — лучше. Ассоль не знала, сколько прошло времени. Минута. Десять. Она перестала считать круги. Остановилась только тогда, когда ноги начали гудеть, а в голове вместо грохота наступила странная гулкая тишина. Она прислонилась спиной к холодной стене и медленно сползла на пол. Села, обхватив колени. Дышала глубоко, но спокойно. Гнев не исчез, он куда-то провалился — глубоко внутрь, в тот самый «холодный подвал», где не было ни окон, ни дверей. Она чувствовала его там. Тяжёлого, уставшего, как зверь, который набегался по клетке и теперь лежит в углу, тяжело дыша.

Ассоль закрыла глаза. И в этой пустой, вымороженной тишине внутри неё родилось чёткое, холодное, как лёд, решение: *«Я не буду больше биться в закрытые двери. Я найду ключ. Или сделаю его сама».*

Она медленно потянулась к книге, подобрала её. Кожа переплёта была тёплой, как живая. Она перевела взгляд на решётку, за которой висела пустота ночного неба. Села за стол, поставила перед собой книгу. И открыла её сначала, на первой странице.

Там не было заговоров. Там был рисунок — сложная, похожая на цветок мандала из переплетённых линий. И подпись: «Найди порядок в хаосе мыслей, стань мудрее».

И Ассоль начала вглядываться в мандалу, взгляд скользил от периферии к центр. А вокруг, в кедровой тишине, её недавняя ярость тихо перестала быть врагом. Она стала топливом для внимания, для бдения, для того неугасимого внутреннего огня, который отныне будет освещать строки за строками, рецепт за рецептом.

Она больше не была пленницей. Она была алхимиком, принявшим вызов. И её первым, самым главным компонентом, который предстояло превратить в золото понимания, была она сама — её собственная живая душа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.